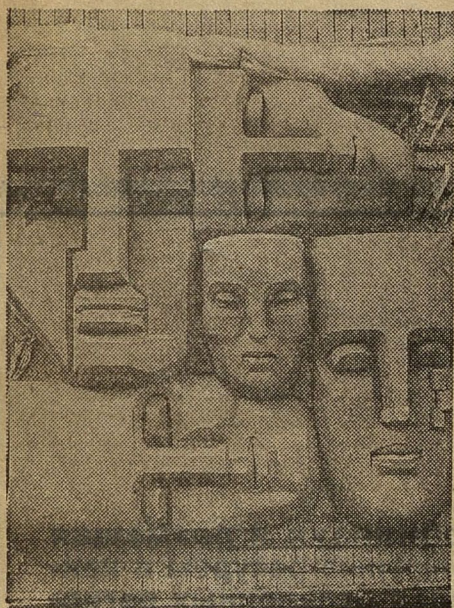

Оказываем содействие
в приобретении билетов
на международные авиалинии.
208-66-04, 208-79-56

Фрагмент проекта магаданского монумента
жертвам репрессий.

— Эрнст Иосифович, каковы ваши планы
в этот приезд в Россию?

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ. Я приехал
в связи с организацией фонда помощи
русской культуре. Сегодня в России,
больше чем где бы то ни было, искусство
не должно быть оставлено. Оно напоми-
нает несовершеннолетнего наследника,
оказавшегося на улице. Внуки эпохи "Ве-
ликой утопии" и дети родителей, которые
не имели возможности воспользоваться
своим наследством и жили из милости у
опекунов на горьком казенном хлебе, те-
перь оказались на улице, и им предлага-
ется сразу всему научиться или умереть.
При этом очевидно, что вместе с ними мо-
жет умереть и продолжение традиций
русского изобразительного искусства.

В наиболее плачевном положении
оказалась российская провинция, которая
богата талантами, но практически отреза-
на от центра и от всего мира. Художникам
необходимо помочь вырваться из соци-
ального небытия.

Собственно сам мой фонд как Част-
ный благотворительный фонд по под-
держке и пропаганде русского изобрази-
тельного искусства был зарегистрирован
уже в мае. Сейчас мне предстоит встреча
с попечительским советом и разработка
перспективной программы. Это главная
цель приезда в Россию.

Есть и более частная задача, но для
меня не менее важная — как-то исправить
ситуацию, сложившуюся вокруг монументов
памяти жертв утопического сознания.
Три договора на сооружение этих монументов
в Воркуте, Екатеринбурге, Магадане
были подписаны в 1990 году. Пред-
ложенные проекты единогласно приняты
как властями, так и общественностью.
Пресса о них много писала — у нас и на За-
паде. Что мы имеем сегодня в итоге?

Из Воркуты в течение двух лет я не
имею никаких сведений. При том, что ме-
сто будущего мемориала было утвержде-
но, разработан и утвержден общий архи-
тектурный план, а модель памятника
мною выполнена и отправлена в Воркуту.
Летом 1992 года главный архитектор вор-
кутинского проекта мемориала посетил
музей моей скульптуры в Швеции, после
чего связь оборвалась. Очевидно, пробле-
мы финансирования оказались неразрешимыми.

В Екатеринбурге почти такая же ситу-
ация. Модель монумента (две маски) была
выполнена и отправлена, в конце 1992 го-
да я полтора месяца провел на свердлов-
ском комбинате художественного литья,
где с двумя помощниками мы увеличили
маски до трех с половиной метров. По
плану они должны быть увеличены до
пятнадцати метров — в процессе строи-
тельства. С 1992 года в камне сделаны
только три метра — из пятнадцати запла-
нированных. И без того сложному про-
цессу создания монумента, несомненно,
помешала остро негативная полемика в
местной прессе вокруг мемориала, по то-
ну она носила резко шовинистический ха-

Искусство и власть — несовместны?..

Вновь приехавший в Россию
знаменитый скульптор
отвечает на вопросы корреспондента "ЛГ"

Лит. газ. — 1994. — 24 авг. — с. 7.

рактик и была направлена как против мо-
нумента, так и против автора. Дошло до
того, что против сооружения памятника
выступил екатеринбургский епископ, ко-
торого, правда, позже сменил преемник,
более молодой и более разумный. Что ка-
сается городских властей, то в 1992 году
решение о включении проекта строитель-
ства в городской бюджет было принято,
но... реальных средств переведено до сих
пор не было. Присылали пожертвования
со всей страны люди, чьи родные и близ-
кие погибли в лагерях ГУЛАГа, но в ус-
ловиях резкой девальвации рубля эти
средства превратились в печально малую
лепту.

Магадан, пожалуй, самый успешный
пример из всего проекта Треугольника
страданий, доказывающий, что и в России,
если захотят, то смогут. Путем огромных
усилий был открыт валютный счет, уста-
новлены связи с Анкориджем, городом
побратимом, где прошел сбор средств в
пользу монумента. Работы субсидирова-
лись в долг из городского бюджета. Мною
лично закончена на 100 процентов вся ху-
дожественная работа. Сделана 15-метро-
вая маска скорби, в структуру которой
введено множество других масок: маски
страдания, каменные слезы и т. д. Сделан
и отлит в бронзе пятиметровый крест,
который вставляется в обратную сторону
этой маски. Там, я бы сказал, создается
храмовое пространство, и там должен
быть крест. Отлита скульптура "Скорбя-
щее будущее". Это фигурка девочки, оп-
лакивающей жертвы. Благодаря нечело-
веческим усилиям и энтузиазму архитек-
тора, моего соавтора Камилы Казеева,
уже началось строительство на том месте,
которое архиепископ православной церк-
ви Магадана освятил для нас. Увы! Мы
остановились, возведя почти треть моно-
мента, — нет денег. Но этот памятник
— акт не политический, не исторический.
Просто без покаяния не может быть дви-
жения вперед. Это знали все во все време-
на, во всех государствах.

— Вопрос уперся в государственные суб-
сидии?

Э. Н. Да, я не говорю сейчас даже о
президенте. Он уже продемонстрировал
готовность поддержать строительство мо-
нумента на личном человеческом уровне,
отдав из гонорара за свою книгу 40 мил-
лионов рублей. Спасибо ему! Но пройдя
все бюрократические инстанции в услови-
ях падения курса рубля, через шесть меся-
цев деньги эти растаяли ровно наполови-
ну. Александр Солженицын, возвращаясь
на родину и остановившись в Магадане,
назвал этот мемориал "святым делом".
Хотелось бы, чтобы к этому проекту так
же отнеслись и те, в чьих руках есть воз-
можность принимать конкретные реше-
ния и следить за их выполнением. Это
действительно святое дело. И если совре-
менное правительство России взяло на се-
бя долги прежнего Советского Союза, де-
нежные долги, то уж святое дело для них,
и практически правильное дело, взять на

себя и этот моральный долг. Потому
что долг абсолютно несоизмерим с ценой
этого монумента. За 200 тысяч долларов
они могут выполнить свой долг перед про-
шлым и будущим. И надо быть дураками,
чтобы этого не понять.

— 200 тысяч долларов — цена, в которую
вы оцениваете памятник в Магадане?

Э. Н. На сегодня, чтобы закончить па-
мятник (я не говорю о подземных путях,
не говорю о многом другом), но чтобы
только закончить работу над памятником,
нужно 200 тысяч долларов. Я уже за че-
тыре года с момента подписания договора
вложил свои 120 тысяч долларов во все
три проекта. Я отказался от гонорара, ко-
торый оценивается по всем трем мону-

Эрнст Неизвестный (справа) и Камилла Казеева на Свердловском художественном комбинате. 1991 г.

ментам в миллион долларов. Но в конце
концов — это же не мое личное дело! В
свое время, в конце семидесятых, мне Ак-
сель Шпрингер предлагал шесть с полови-
ной миллионов долларов, чтобы поста-
вить такой монумент в Германии. Я отка-
зался. Сегодня я узнаю, что предположи-
тельно в конце 1994 года проект подобно-
го памятника будет утверждаться в сенате

США. Я должен отказываться от возмо-
жных предложений?

Конечно, приятно, что президент
Межкомбанка Сергей Овсянников обе-
щал профинансировать на следующий год
строительство монумента в Магадане. Дай
Бог, чтобы все так и было. Но я не хотел
бы, чтобы это сообщение успокоило тех,
к кому я обращаюсь. Что делать до сле-
дующего года? Деньги же нужны сегодня.
200 тысяч долларов — огромная сумма для
рядового человека. Для общества — это
копейки. Любому строителю (а у нас в пра-
вительстве и Ельцин строитель, и Черно-
мырдин о строительстве представление
имеет) знает, что при строительстве
обычного жилого комплекса цемента на
пол выливается больше, чем стоимость
всего монумента.

— Мне рассказывали друзья, живущие в
Магадане, что городу никто не может сто-
процентно гарантировать даже подвоз угля
для отопления. Хотя, конечно, уголь в конце
концов подвозится. Как восприняли сами ма-
гаданцы идею монумента?

Э. Н. В Магадане меня поддерживают
практически все. Судя по прессе, судя по
тому, что я знаю, там все — за памятник.

Я не экономист и не государственный
деятель. Я могу отвечать только с пози-
ции художника, скульптора, как я ее пони-
маю. Я знаю, что на карте России Мага-
дан — самое дорогое место по прожиточ-
ному минимуму. Я знаю, что там разруха.
И я знаю, что 200 тысяч долларов, кото-
рые нужны на монумент, не исправят си-
туацию — там нужны миллиарды. Ставить
в зависимость от моего монумента боль-
ницы, пенсионное обслуживание, дето-
рождаемость и т. д. более нелепо, чем эти
проблемы связывать с лунным затмением
или астрологическими изысканиями. Это
первое. Второе. Я сочувствую людям. Но
я не считаю, что для них оскорбителен
монумент страданию, если они страдают.
Такие монументы как раз и ставятся, что-

что единственный на территории бывшего
Советского Союза! Это просто спириту-
ально опасно. Я верующий человек. Та-
кие монументы и возводятся для того,
чтобы не забывать о зле и стараться очис-
титься от него.

И, наконец, соображение чисто прак-
тическое. Этот монумент, если он откро-
ется, привлечет паломников со всего ми-
ра. Это не спасет положения магаданцев.
Потому что положение спасается теми,
кто живет и работает здесь. Но это даст
поток валюты. С момента постановки мо-
нумента эта географическая точка приоб-
ретет другое звучание.

— Вы говорили о сооружении памятника
как об акте покаяния. Это понятие религи-
озного сознания. В допетровской Руси с ее все-
общим религиозным осмыслением мира
скульптуры вообще не было. Как вы оцени-
ваете сегодняшнее взаимодействие скульпту-
ры и храма?

Э. Н. Во-первых, и до Петра была
прекрасная скульптура. Да, не было тра-
диций скульптуры в европейском смысле
этого слова. Но были традиции каменной
резьбы — вологодской, была традиция де-
ревянной игрушки, была традиция, вопло-
щающаяся позже в пермскую скульптуру,
которую как уралец я в юности реставри-
ровал, она на меня очень сильно повлия-
ла. Мои маски скорби и страдания в опре-
деленном смысле опираются на изучение
традиций вологодской каменной резьбы и
пермской скульптуры. Весь этот интерес
к допетровской скульптуре у меня возник
очень давно, во времена не только Хру-
щева, но и Сталина.

Я сказал о храмовом пространстве
внутри скульптуры. Я сразу подчеркиваю,
что мои скульптуры мемориала находятся
вне русла какой-либо конфессии. Потому
что в Магадане похоронены люди разного
вероисповедания. В Магадане покоятся
люди 27 (!) национальностей только из
других стран: японцы, китайцы, францу-
зы, немцы, австралийцы, американцы...
Среди них есть и баптисты, есть лютеране,
есть буддисты, есть мусульмане, есть
атеисты. Было бы просто неэтичным де-
лать монумент, связанный с одной кон-
фессией. Но поскольку я русский скульп-
тор, я, естественно, делаю монументы в
русских традициях, а не в испанских, мек-
сиканских или французских. Это нормаль-
но, так как это моя культура. Крест же,
который ставится внутри монумента, не
претендует на церковное содержание. И
не может претендовать, так как в право-
славной традиции крест канонизирован.
Но все крестообразные фигуры несут
символику страдания. "Каждый несет
свой крест". Эту фразу может произнести
или неверующий человек, потому что это
метафора. Я отливал бронзовый крест для
монумента, потому что это моя метафора
страдания. И только оголенные туловища
могут рассматривать этот крест как по-
пытку вторгнуться в церковную традицию
или навязать другим конфессиям право-
славие. Кетати, мой соавтор Камилла Ка-
зеев — мусульманин. И он работает с та-
ким же энтузиазмом, как и я.

Когда я говорил о храмовом простран-
стве, я не имел в виду "содержание храмо-
вого пространства", о котором вел речь,
допустим, отец Павел Флоренский. Гово-
ря о храмовом пространстве, я имел в ви-
ду устремленное вверх архитектурное
пространство, похожее на пространство
открытых храмов.

— Для вас монумент в Магадане прежде
всего памятник человеческому страданию?

Э. Н. В чисто практическом смысле
это памятник жертвам тоталитарного ре-
жима. Но дело в том, что мне путем дли-
тельной работы — а работа началась моя
еще в 1954 году — удалось очистить для
себя этот памятник от привходящих мо-
ментов, от преходящих политических ин-
тересов. Это первое, от чего я его очи-
щал. Потом мне удалось его очистить от
сиюминутной экспрессии, гнева. Эту тра-
гедию, в скульптуре во всяком случае, я
предпочитаю рассматривать не как поли-
тическую трагедию и даже не как истори-
ческую трагедию. Масштабы зла уходят в
метанасторию. Это крупнее, чем просто
борьба партий, социальных групп. Имен-

но поэтому я удивлен, что не нашлось
мощных политических движений, кото-
рые поняли бы, что помощь в строитель-
стве этому монументу является не только
моральным долгом, что, в общем-то, ле-
жит на поверхности, но и политическим
способом отмежеваться от ужаса про-
шлого. Я думаю, сегодня нет ни одной по-
литической группы, даже использующей
коммунистическую терминологию, кото-
рая бы не хотела отмежеваться от репрес-
сий. Нет более простого акта сделать это,
чем поддержать строительство монумента
в Магадане.

— На ваш взгляд, искусство всегда анти-
тоталитарно?

Э. Н. Абсолютно нет. Только в XIX
веке появилось то искусство, которое мы
считаем искусством лишнего человека, то
есть искусством непризнанного гения. На
протяжении всей человеческой истории
талант всегда защищался от притязаний
толпы властью политической, религи-
озной, денежной. Это был закон. В Египте,
в Риме, во все великие эпохи. Только в
сложившемся буржуазном обществе по-
явились трагедии Моцарта, Ван Гога. Ху-
дожник стал восприниматься обязательно
как бунтарь, нарушитель спокойствия.

В России трагедия началась во време-
на Пушкина и Лермонтова. Помните: "За-
чем от мирных нег и дружбы простодуш-
ной вступил он в этот свет завистливый и
душный..." Это было время, когда двор и
искусство, культура, честь пошли разны-
ми путями. Для сравнения — Фрэнсис Ба-
кон был при дворе, Скопас — при Алек-
сандре Македонском, Микеланджело —
при папе, Леонардо — при герцогах. По-
нятно, что в России трагический разрыв
между двором и культурой был связан с
объективной ситуацией, исходил из благо-
родной мысли (естественно, из благород-
ной мысли!) о свободе от царского произ-
вола, от, я бы сказал, необоснованных
претензий властных людей на всезнание.
Этой претензии не было ни у Перикла, ни
у китайских мандаринов. Но зато она по-
явилась у властей России. Постепенно
мысль о том, что власть и искусство не
могут совпасть, дошла до абсурда.

Сталин со своими имперскими на-
клонностями пытался создать вокруг себя
круг придворных поэтов, живописцев. Он
захотел власть и искусство, культуру объ-
единить. В эзотерическом смысле слова
он был прав. Но подражая аристократии,
он оставался охлократом. И если аристо-
кратия, по Аристотелю, это власть луч-
ших, то охлократия — правление худших.
В результате ему удалось выстроить ис-
терроризованную культуру... зеркально отража-
ющую истинные ценности. Так сказать, За-
зеркалье культуры. Худшее было назна-
чено лучшим. Бездарность — в гении. Это
продлило агонию разрыва между властью
и культурой, начавшуюся при царе. Когда
я рос, любой официальный успех, даже
иногда заслуженный, воспринимался как
неуспех спиритуальный и интеллектуаль-
ный. Почему? Потому что мы привыкли к
тому, что, если человеку дают народного
художника, значит, он дерьмо. А если че-
ловека гноят в подвале, значит, он хоро-
ший. Что не всегда, строго говоря, соот-
ветствовало действительности. Но в схе-
ме это было так. И схема укрепляла идею,
что власть и художник — две вещи несо-
вместные.

Как скульптор я бы хотел строить ог-
ромные сооружения, хотел бы строить,
условно говоря, новую утопическую цивили-
зацию и принадлежать ей — как худож-
ники 20-х годов или как художники Воз-
рождения. И, естественно, я не мог обой-
тись без материальной структуры. Я меч-
тал о разумных меценатах, о разумной го-
сударственной поддержке. Но поскольку
мое искусство не соответствовало идеа-
лам власти, я автоматически стал в глазах
государства диссидентом, анархистом. Я
должен был бы быть в одном лице при-
дворным скульптором и... бомбометате-
лем. И в этом основная моя трагедия.

Записала

Ж.ВАСИЛЬЕВА